

АКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В КОНЦЕПЦИИ СОЦИЕТАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА Т.ЗАСЛАВСКОЙ

Анализируются теоретические и эмпирические исследования акторов мезоуровня трансформационного процесса, которые были проведены Т.Заславской для апробации концепции социетальной трансформации российского общества.

Keywords: *mesolevel actors, transformation process, the concept of societal transformation, T.Zaslavskaya.*

Ключові слова: *актори мезорівня, трансформаційний процес, концепція соціетальної трансформації, Т.Заславська.*

Ключевые слова: *акторы мезоуровня, трансформационный процесс, концепция социетальной трансформации, Т.Заславская.*

Т.Заславская работала над созданием концепции социетальной трансформации российского общества более двадцати лет. Одной из основных характеристик социальной трансформации, определяющей тип *социетальной трансформации*, Т.Заславская считала ее направленность на изменение человеческого потенциала как обобщающего показателя личностного фактора развития общества. Она отмечала принципиальную зависимость хода и результатов социальной трансформации от деятельности и поведения массовых общественных групп в условиях длительной и глубокой аномии, присущей трансформирующемуся обществу вследствие распада старых общественных институтов и несформированности новых [1, с. 188].

Сторонники деятельностно-структурной традиции, к которым принадлежит Т.Заславская, в интерпретации

социальных изменений в российском обществе “непосредственно связывают ход и перспективы трансформации с деятельностью, интересами и ресурсными возможностями акторов самых разных уровней” [2, с. 382], изучают механизмы трансформационных изменений на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности.

Основной движущей силой социетальной трансформации Т.Заславская считала взаимодействие ее акторов (субъектов). По определению Г.Дилигенского, “феномен социального актора – одно из проявлений социальности человека, он предполагает способность и волю людей к устойчивому объединению, т.е. определенные мотивационно-волевые свойства личности и определенные свойства культуры, стимулирующие данный тип социального взаимодействия” [3, с. 411].

В социологической науке на время создания концепции социетальной трансформации российского общества уже достаточно были разработаны макро- и микроуровни его исследования. Т.Заславская разделяла мнение П.Штомпки о том, что “проблема макроэффекта микрособытий, равно как и противоположная проблема – микроэффекта макрособытий, требует специального тщательного и глубокого исследования” [4, с. 30]. Поэтому особый акцент Т.Заславской был сделан на изучении социальных акторов мезоуровня.

С одной стороны, акторы мезоуровня испытывают воздействие акторов макроуровня, которые определяют условия и направления их деятельности. С другой стороны, “они выполняют важную функцию передачи социальной информации с макро- на микроуровень общества и обратно” [5, с. 11]. Акторы мезоуровня в процессе освоения и использования правил игры, предлагаемых им акторами макроуровня, активно корректируют, дополняют и приспособливают их к своим интересам. Именно они осуществляют практические инновации в хозяйствовании, в предпринимательстве и социальной сфере, проявляют интеллектуальную и информационную активность, создают элементы гражданского общества. Совокупная деятель-

ность мезоакторов в этих направлениях оказывает влияние на трансформационный процесс: они “*подталкивают* реальное преобразование институциональной системы в тех или иных направлениях” [5, с. 11]. По классификации Т.Заславской, к акторам мезоуровня трансформационного процесса относятся руководители региональных и местных органов управления, директора и владельцы предприятий и фирм, ответственные работники учреждений социальной сферы, начальники воинских частей и т.п. Актеры этого уровня не принадлежат к среднему классу в западном понимании, но со временем будут способны взять на себя его функции [6, с. 149]. Однако именно на этом уровне неправовые практики получили наибольшее распространение, организуются неформальные сети и схемы, позволяющие мезоакторам действовать в обход законов, что вызывает лавинообразный рост неправовых практик на микроуровне.

Т.Заславская считала, что движущей силой и главным инструментом борьбы за институциональные перемены служит трансформационная активность индивидуальных и коллективных акторов, и определяла ее как “совокупность социально-инновационных действий, являющихся преимущественно рациональным ответом социальных акторов на вызываемое реформами изменение условий их жизнедеятельности и ведущих к изменению базисных социальных практик” [7, с. 14–15.]. Была разработана классификация поведенческих стратегий акторов трансформационного процесса. В зависимости от целей, мотивов и средств их реализации выделены “четыре класса стратегий: 1) достижительные; 2) адаптационные; 3) регрессивные; 4) разрушительные” [7, с. 16.]. В зависимости от функций в трансформации общества Т.Заславская выделила три класса поведенческих стратегий: конструктивный, деструктивный и смешанный, неоднозначный.

Многолетние исследования Т.Заславской трансформационного процесса в России показали, что при всей неоднозначности результатов реформ происходят позитивные преобразования в обществе и в сфере российской экономи-

ки в частности. Для успешной модернизации экономики, которую Т.Заславская считала материальной основой общества, нужны акторы, демонстрирующие достигательную, конструктивную поведенческую стратегию, составляющие “профессиональный и интеллектуальный *авангард* российского *бизнес-сообщества*, от расширения численности и повышения социального качества которого во многом зависят направления и темпы развития национального хозяйства” [1, с. 27].

Под руководством Т.Заславской, в соавторстве с Э.Крылатых и М.Шабановой, были проведены четыре волны уникального исследования “авангардной” группы относительно молодых, образованных и преуспевающих предпринимателей и менеджеров, большую часть которых можно назвать, по классификации Т.Заславской, акторами мезоуровня. В России, также как и в Украине, определенные слои и группы населения малодоступны для широкомасштабных эмпирических исследований и практически не попадают в массовые опросы, а если и попадают, то их доля практически приближается к размеру статистической погрешности. К такой группе относится и изучаемая в данном исследовании. Генеральную совокупность исследования составили слушатели программы MBA (Master of Business Administration), реализуемой Российской академией народного хозяйства при Президенте РФ. Было опрошено в 2004 г. – 1016 человек, в 2006 г. – 1445 человек, в 2008 г. – 1279 человек, в 2010 г. – 1104 человека, что в разные годы составляло от 53 до 61% генеральной совокупности [8, с. 6].

В исследовании зафиксированы следующие профессионально-деловые и статусные особенности изучаемой группы: “Их отличает относительная молодость на фоне весьма солидного стажа работы в бизнесе” [8, с. 8]. Моложе 40 лет во все годы наблюдения были около 83% слушателей при среднем стаже работы в бизнесе девять лет. Более трети не имеют брачных партнеров и детей, то есть обладают личной свободой. Мужчины составляют почти две трети обучающихся.

Данную группу отличает высокий уровень бизнес-образования и установка на его повышение. По данным 2010 г., 69% повышали свою квалификацию, в том числе за рубежом 21%.

Изучаемой совокупности присущ “довольно высокий профессионально-должностной и социально-экономический статус, высокая самооценка и удовлетворенность достигнутыми деловыми позициями” [8, с. 8]. Топ-менеджеры (генеральные директора, директора, их заместители, руководители филиалов) составляли 50% слушателей программы в 2010 г., а в 2004–2008 гг. – 60%, около 39% являлись руководителями подразделений или функциональными менеджерами. Из всей совокупности пятую часть составляли собственники и совладельцы фирм [9, с. 16]. К среднему слою относят себя 55% респондентов, к социальным слоям выше среднего – 39%. По данным 2010 г. удовлетворенность достигнутым социальным статусом и уровнем реализации способностей высока: 77% респондентов удается в “полной” или “достаточной” мере реализовать свои способности, а 68% оценивают достигнутый должностной статус как соответствующий их возможностям и намерениям. Вполне объяснимо, что процент от опрошенных в 2008–2010 гг. – 68%, которые считают, что их заработная плата (доход) соответствует вкладу в деятельность фирмы, несколько снизился по сравнению с докризисными опросами 2004 и 2006 г. – 76 и 74% соответственно. Однако даже в разгар экономического кризиса этот показатель остался достаточно высоким. Т.Заславская констатирует, что большинству исследуемых “удается успешно конвертировать свой человеческий потенциал в статусно-должностные, экономические и другие значимые ресурсы” [8, с. 9].

В системе ценностных ориентаций все более важными слушатели программы МВА считают достигательные ценности. Если в 2008 г. 47% считали ценностью “деловой и профессиональный успех, удачную карьеру”, то в 2010-м таких уже было 59%. Важной жизненной ценностью является “самостоятельность, независимость, управле-

ние своей судьбой” – практически для 50% респондентов во всех волнах исследования.

Не менее важным респонденты считают “высокие доходы, материальный достаток, благосостояние семьи”: в 2008 г. – 54 %, в 2010 г. – 43%. В то же время успешные акторы трансформационного процесса все большее значение придают таким базовым человеческим ценностям, как “семейное счастье, любовь, дети”: в 2008 г. – 52%, в 2010-м так считали уже 66%. Эти ценности, по мнению Т.Заславской, “можно рассматривать как важные предпосылки (или условия) реализации самостоятельности и независимости” [9, с. 17]. Деловой и профессиональный успех, удачную карьеру можно считать средством ее достижения.

В исследовании было отмечено, что в остро проблемной институциональной среде респонденты демонстрируют “высокий инновационно-деятельностный потенциал”. В 2008 г. 53%, а в 2010-м уже 60% опрошенных совершали инновационные действия: разрабатывали или участвовали в разработке и внедрении передовых технологий; осваивали или принимали участие в освоении новых видов продукции и услуг; осуществляли успешные организационные новации; создавали собственный успешный бизнес. Успешные рыночные продвижения удалось осуществить в 2008 г. 49% респондентов, в 2010 г. деятельность уже 56% привела к существенному увеличению объема продаж и доходов компаний, выходу их на новые рынки, открытию новых филиалов и представительств, повышению качества и росту конкурентоспособности продукции, а также легализации части теневых операций и освоению норм цивилизованного бизнеса [8, с. 9]. Можно отметить, что экономический кризис послужил дополнительным стимулом деловой активности респондентов.

Кроме личностных и деловых качеств активных экономических акторов трансформационного процесса, Т.Заславская исследовала и некоторые из социальных качеств: уровень и характер консолидации, уровень доверия к институтам и друг к другу, особенности правового сознания и поведения, политическую активность.

Исследование показало, что данной группе предпринимателей и менеджеров присущ так называемый асоциальный синдром, который выражается в “отсутствии культуры совместного действия и стремления к самоорганизации даже для защиты своих общих интересов” [8, с. 9]. В оценке степени развития деловой среды по пятибалльной шкале, где 1 – нулевая, 2 – низкая, 3 – средняя, 4 – высокая, 5 – очень высокая степень развития, степень влияния предпринимательских союзов на успешность деятельности оценили как нулевую и низкую в 2008 г. 49% , а в 2010 г. – уже 63% респондентов. Соответственно уменьшилось количество высоко оценивающих степень влияния формальных объединений – с 14 до 12%. Данный факт свидетельствует о непрозрачности и неопределенности правил игры в отношениях власти с бизнесом.

В то же время усиливается влияние неформальных солидарностей, деловых сетей и связей: с 2008 по 2010 г. с 66 до 73% возросло количество бизнесменов, оценивающих их роль как высокую и очень высокую. Как положительный результат данного явления можно рассматривать возрастание роли деловой репутации: как высокую и очень высокую ее оценили в 2008 г. 72% , а в 2010-м – уже 74 % респондентов. Все большее количество респондентов придают большое значение степени влияния строгости соблюдения деловых обязательств, этики (рост с 41 до 54% соответственно), уровню взаимного доверия бизнесменов (рост с 26 до 33% соответственно), взаимопомощи постоянных партнеров (рост с 29 до 38% соответственно). Эти данные свидетельствуют о повышении деловой культуры, цивилизованности российского бизнеса. Т.Заславская считает, что приведенные выше результаты исследования свидетельствуют о “спонтанной кристаллизации продвинутой части экономических акторов как особой *социально-деловой общности*” [8, с. 13].

Изучение особенностей правового сознания и поведения исследуемой группы показало и иную сторону усиления неформальных солидарностей и связей. Если в 2006 г. 74% респондентов сталкивалось с нарушением своих законных прав в деловой сфере, то к 2010 г. количество их возросло

до 78%. При решении возникших проблем только неформальные способы использовали в 2006 г. 75%, а в 2010-м – 58%. Формальные способы выхода из сложившейся ситуации использовали в 2006 г. 5% занятых в бизнесе, в 2010-м – 14%. Остальные опрошенные предпочитали совмещать вышеуказанные способы. Наблюдается рост числа предпринимателей, которые стараются решать возникшие проблемы в рамках правового поля. Рассматривая ситуацию в целом, Т.Заславская делает вывод о том, что “длительное функционирование в бизнес-среде, пронизанной неправоправными практиками, не может не отразиться на правовом сознании даже самых образованных и экономически продвинутых экономических акторов” [8, с. 13].

Исследование уровня институционального и взаимного доверия показало, что за все годы наблюдения успешные экономические акторы демонстрируют низкий уровень первого и достаточно высокий – второго. По пятибалльной шкале, где 1 – совсем не доверяю, а 5 – полностью доверяю, уровень доверия местным органам власти, судебной системе (без арбитражного суда) и милиции равен 2 баллам. Уровень доверия Правительству РФ и арбитражному суду немного выше и равен 3 баллам. По мнению Т.Заславской, “крайне низкий уровень институционального доверия – важный сигнал неблагополучия современной деловой среды, наличия большого числа барьеров и ограничений не только для эффективной деятельности, но и для становления более цивилизованного бизнеса” [8, с.16].

Данные опроса не подтвердили распространенное в российской социологии мнение о крайне низком уровне взаимного доверия в бизнес-среде. Так уровень доверия подчиненным стабильно за годы всех наблюдений по той же шкале равен 4 баллам, с 3 баллов в 2006 г. до 4 баллов в 2008–2010 гг. вырос уровень доверия партнерам и контрагентам. “В весьма непростой институциональной среде высокие уровни межфирменного и внутрифирменного доверия выступают значимыми факторами (ресурсами) делового успеха и важными атрибутами продвижения к более цивилизованному бизнесу” [8, с. 16].

Интересные и несколько неожиданные данные получила Т.Заславская при исследовании политической активности совокупности предпринимателей и бизнесменов: 23% опрошенных вообще политикой не интересуются, ограничиваются отслеживанием информации о политических событиях 56%, вопросы политики обсуждают с друзьями и коллегами 46%, в выборах представительной власти участвуют лишь 22% респондентов. При этом 37% респондентов отметили, что им не близка никакая идеология. Около трети сообщили, что им близка социал-демократическая идеология, приверженцев либеральной идеологии оказалось 16%, умеренно-государственническую идеологию поддерживают 11%. Количество респондентов, поддерживающих авторитарно-силовую, националистическую и коммунистическую идеологию, в сумме не превысило 4% [8, с. 17]. Причем политические ориентации слушателей программы МВА остаются достаточно стабильными на протяжении всего периода наблюдений. Т.Заславская считает, что «с точки зрения возможных демократических реформ, они достаточно перспективны. Но чтобы авангард делового сообщества стал ощутимой политической силой, желательна создание партии или хотя бы сильного общественного движения, выражающего жизненные интересы бизнеса и способного активно бороться с теми силами, которые препятствуют как поступательному развитию экономики, так и становлению правового демократического государства» [9, с. 24].

Эмпирические исследования, проведенные Т.Заславской для апробации концепции социетальной трансформации российского общества подтвердили основополагающее значение возрастания человеческого потенциала для позитивного развития социальных изменений. Определяющее значение при этом имеют личностные качества (интернальность) акторов трансформационного процесса, их приверженность общечеловеческим ценностям на бытовом и демократическом на общественном уровне, стремление к повышению уровня образования. В ходе исследования было зафиксировано наличие экономических мезо-

акторов, обладающих данными качествами, что дает надежду на успешное развитие процесса модернизации и демократизации России.

Литература

1. *Заславская Т.И.* Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект / Т.И. Заславская // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 26–37.

2. *Шабанова М.А.* К интерпретации хода и перспектив современного трансформационного процесса / М.А.Шабанова // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И.Заславской. – М. : Моск. высшая школа социальных и экон. наук, 2003. – С. 380–386.

3. *Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России / Дилигенский Г.Г. // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И.Заславской. – М. : Моск. Высшая школа социальных и экон. наук, 2001. – С. 410–418.

4. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Штомпка П. ; пер с англ. под ред. В.А.Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

5. *Заславская Т.И.* О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса / Т.И.Заславская // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И.Заславской. – М. : Моск. высшая школа социальных и экон. наук, 2001. – С.3–15.

6. *Шабанова М.А.* Посткоммунистический трансформационный процесс в России: “механистическая” перспектива анализа / М.А.Шабанова // Социологические исследования. – 2004. – №1. – С.142–151.

7. *Заславская Т.* Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса / Т.Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перспективы. – 2000. – № 6(50). – С.14–19.

8. *Заславская Т.И.* Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность // Т.И.Заславская, М.А.Шабанова // Общественные науки и современность. – 2012. – № 4. – С. 5–23.

9. *Заславская Т.И.* О социальных акторах модернизации России / Т.И.Заславская // Общественные науки и современность. – 2011. – №3. – С.13–25.